

УДК 94 «19»

Д.В. Долгушев

КОНФЛИКТ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ И США В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Дается анализ ситуации в Центральной Азии, в которой после обретения независимости странами региона возобновился конфликт между Россией и англо-саксонскими государствами за контроль над природными ресурсами этого района мира, прежде всего за углеводородное сырье.

Ключевые слова: Россия, США, энергетический конфликт.

Расклад ситуации на мировой арене показывает, что в XXI в. в глобальной политике и экономике возрастает роль стран Центральной Азии и Каспия. Этот регион являлся традиционным объектом интенсивного геополитического соперничества великих держав, в том числе и России, в ходе всей Новой и Новейшей истории. Однако если раньше борьба в основном шла за сельскохозяйственную продукцию, азиатские рынки сбыта и транспортные пути, то с начала XXI в. на первый план вышли месторождения углеводородного сырья.

Ещё в начале 90-х гг. XX в. регион Каспийского моря стал новым центром притяжения интересов государств Запада и Востока. Распад СССР открыл регион для освоения его энергетических ресурсов странами международного сообщества. Разведанные и доказанные запасы углеводородного сырья, в особенности нефти, стали объектом исключительного внимания мирового нефтяного бизнеса. Надо отметить, что большая часть нефти и газосодержащих геологических бассейнов Каспийского моря до конца ещё не исследована.

В любом случае эти запасы в 25–50 раз меньше, чем во всех государствах Ближнего и Среднего Востока. Однако, с вероятностью в 50 %, в Каспийском регионе могут быть обнаружены дополнительные прогнозные ресурсы нефти, что сопоставимо с нефтяными ресурсами Саудовской Аравии [1].

По оценкам международных консалтинговых фирм, устойчивое поступление на мировые рынки каспийской нефти требует инвестиций в размере не менее чем \$ 5–12 млрд. Всего же в полномасштабную транспортировку каспийской нефти и газа необходимо вложить до \$ 150–200 млрд. Пока добыча и транспортировка каспийской нефти в Западную Европу и США обходятся почти в 10 раз дороже стоимости сырья из расконсервированных скважин Мексиканского залива или месторождений Северного моря [2]. Именно стоимостные ограничения – главная причина того, что каспийские месторождения наиболее выгодным

станет разрабатывать не ранее чем через 15–20 лет. Особо значимыми каспийские углеводороды могут стать к середине следующего десятилетия, когда добыча и экспорт нефти и газа Северного моря начнут падать. Энергоресурсы Каспия могут быть привлекательными как для Европы, так и для азиатского рынка.

После обнаружения огромных месторождений нефти и газа Каспийское море стало ареной столкновения интересов, во-первых, пяти прибрежных государств (Азербайджан, Иран, Туркменистан, Казахстан, Россия) по вопросу определения правового статуса моря и способов его дальнейшего разграничения; во-вторых, прикаспийских и соседних государств, таких, как Иран, РФ, Грузия, Украина, вокруг транспортировки сырья; в-третьих, крупнейших транснациональных энергетических корпораций США, Европы, России, Китая и других стран. То есть Каспий превратился в один из важнейших регионов, где одновременно пересекаются геополитические, экономические и военно-стратегические интересы главных региональных и мировых держав [3. С. 119].

В большой зависимости от энергетического сотрудничества между государствами Прикаспийского региона на данном историческом этапе находятся и российско-американские отношения. В 1997 г. США официально объявили Каспийский регион зоной своих стратегических интересов. Одной из причин активизации политики США в регионе стала необходимость защитить экономические интересы американских нефтяных компаний, заключивших в 1993–1994 гг. крупные контракты с правительствами Азербайджана и Казахстана. Кроме того, по мере появления новых, гораздо более оптимистичных экспертных оценок ресурсов Каспия в Вашингтоне заговорили о важности этого региона с точки зрения энергетической безопасности США и стали рассматривать разработку энергоресурсов Каспия как один из

возможных способов диверсификации источников мировых поставок энергоносителей.

Постоянно возрастающее внимание США и их союзников к этой зоне связано не только с тем, что этот богатый энергетическими ресурсами регион представляет собой альтернативу поставщикам из ОПЕК, но и с тем, что здесь находится важнейшее пересечение мировых энергетических коммуникаций по направлениям Север – Юг, Европа – Азия. Активность США на Каспии связана также со стремлением установить контроль над распределением энергетических ресурсов в мире в целом. Именно это повлияло на политику США в урегулировании грузино-абхазского, грузино-осетинского, армяно-азербайджанского, чеченского, и других конфликтов с целью усиления своего влияния в новых государствах. Как заявил в ноябре 1998 г. тогдашний министр энергетики США Б. Ричардсон: «Речь идет об энергетической безопасности Америки... Речь идет о стратегическом сдерживании тех, кто не разделяет наших ценностей. Мы стараемся подтолкнуть новые независимые страны к Западу... Мы хотели бы, чтобы они зависели от коммерческих и политических интересов Запада, а не других сторон. Мы вложили значительные деньги в Каспий, и теперь для нас очень важно, чтобы нефтепроводы и политика шли в нужном направлении» [4].

По словам З. Бжезинского, каспийская нефть – наилучший инструмент для того, чтобы геэкономически вывести Среднюю Азию и Закавказье на мировые рынки, оторвать их от России и тем самым навсегда ликвидировать возможность постсоветской имперской реинтеграции [5. С. 49].

В 1990-е гг. стратегия США заключалась в вытеснении России из этого региона. Агрессивная нефтегазовая и «трубная» дипломатия США в этом богатом углеводородами регионе, сопоставимом по своим запасам с Персидским заливом, привела к созданию совершенно новой геополитической ситуации в отношении с Россией. В администрации США при президенте Дж. Буше-мл. шла интенсивная борьба между представителями двух школ политической мысли. Правые, поддерживаемые Конгрессом США и консервативными исследовательскими центрами, ратовали за игнорирование российских интересов в регионе и утверждение американского доминирования посредством реализации крупных международных нефтегазовых проектов преимущественно с участием американских компаний. Другая школа, представляемая в основном демократами и нефтяным лобби, считала, что Россию лучше не провоцировать и что следует проводить в жизнь политику много-

вариантного нефтегазового сотрудничества и «трубной» дипломатии, которая предполагает участие в этих проектах России. С приходом к власти президента Б. Обамы эта школа получила поддержку «сверху».

Так, к примеру, детализация и корректировка американской политики в Каспийском регионе даётся в исследовании Совета по международным отношениям США «Стратегические вызовы энергетической политики XXI века», выполненном в апреле 2001 г., где отмечается, что США не в состоянии достичь энергетической независимости и предлагается перейти к «переоценке роли энергетики во внешней политике США». Конкретно это означает «облегчение доступа к новым источникам нефти и газа», а также «устранение политических препятствий на мировых рынках энергоресурсов», это касается России и стран Каспийского бассейна, обещающих стать ключевыми поставщиками углеводородов, обладающих 27% разведанных мировых запасов нефти» [6].

В рамках программы каспийских исследований Гарвардского университета положен тезис о необходимости ликвидации нефтяной зависимости США от арабских нефтедобывающих стран. Рекомендовано строить стратегию США по отказу от своей зависимости от ОПЕК, в первую очередь за счет активизации своего влияния в России и Казахстане. Однако следует отметить, что стратегия привлечения каспийских углеводородных ресурсов на американский рынок противоречит нормам рыночной экономики, являясь чрезвычайно дорогостоящим проектом. По всем показателям естественным рентабельным рынком для каспийской нефти является европейский, куда и направляют американские фирмы казахстанскую нефть [7].

Следовательно, вашингтонская стратегия преследует другие, далеко идущие цели. Они заключаются в интенсификации фактора каспийской нефти для мировых рынков. Основной целью в этом смысле является разрушение монополии ОПЕК на ценообразование на нефтяном рынке и создание так называемого свободного рынка цен на нефть, под которым подразумевается диктат американских компаний на нефтяном рынке, то есть то, что уже наблюдалось в 60-е гг. XX в. Естественными партнерами в этой игре могут выступать только такие реальные крупные производители нефти, как Россия, или потенциальные, как Казахстан. Исходя из новой стратегии американской внешней энергетической политики целью США в Центральной Азии является: установление контроля над добычей и транспортировкой нефти и газа из бассейна Каспийского моря; создание

условий для возможной сырьевой блокады Китая; усиление своего военного присутствия в регионе [8. Р. 14].

США стремятся любыми средствами не допустить дальнейшего российского экономического и политического доминирования на Южном Кавказе и в Центральной Азии. Приоритетами региональной политики Вашингтона являются создание «курируемых» госдепартаментом устойчивых военно-политических и экономических связей между центральноазиатскими республиками и странами Южной Азии, их отрыв от интеграционных процессов с Россией и Китаем, последовательное ослабление влияния Шанхайской организации по сотрудничеству (ШОС) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Не менее важная задача, как считают в Вашингтоне, – постепенное вытеснение остаточных постсоветских политических элит и замена их новой генерацией молодых политиков, «устойчиво ориентированных на Запад и на распространение демократических принципов». Для усиления позиций США и Запада в политической жизни и экономической сфере стран Центральной Азии предлагается организовать их дозированный допуск к западным политическим и экономическим институтам наряду с сознательным частичным игнорированием местной коррупции и системных правонарушений со стороны представителей национальных, проамерикански настроенных правящих элит. Предусматривается также усиление финансово-экономической зависимости этих государств от международных фондов, находящихся под патронатом США, путем выдачи им целевых кредитов, обусловленных требованиями снижения уровня сотрудничества с Россией и Китаем.

Судя по высказываниям ряда политических лидеров США в последние годы пропагандистским прикрытием данного курса может стать расширение взаимодействия США с центральноазиатскими странами в вопросах международной безопасности, прежде всего стабилизационных мероприятий в Афганистане, совместной охраны границ, регулярных военных учений под эгидой НАТО и борьбы с различными глобальными вызовами. Такой подход, как уже видно, сопровождается навязыванием проведения более глубоких прозападных политических реформ, а также формированием новых и совершенствованием сети уже созданных, так называемых демократических общественно-политических организаций и движений, активно субсидируемых из иностранных источников [9. С. 19]. Анализ ситуации в энергетической сфере стран Каспийского региона и Цен-

тральной Азии показывает, что в конце 1990-х гг. Россия явно проигрывала США в борьбе за влияние в этом регионе, к 2001 г. США фактически вышли на второе после России место по влиянию в регионе [10. С. 47].

Лидеры стран Центральной Азии видели в этот период в Америке главного инвестора. Прикаспийские государства делали ставку на добычу и экспорт углеводородного сырья как на фактор будущего процветания, экономической и политической независимости. Вместе с тем они натолкнулись на зависимость от иностранного капитала, которому оказывается серьезная поддержка со стороны правительств США, стран ЕС и Турции. Иностранные правительства через свои транснациональные нефтегазовые компании ставят целью минимизировать влияние Российской Федерации в регионе. Так, три крупнейших нефтяных месторождения в Казахстане – Кашаганское, Карачаганакское и Тенгизское – разрабатываются крупными иностранными консорциумами, среди которых большая доля принадлежит американским корпорациям: «Экссон-Мобил», «Коноко-Филипс», «Шеврон-Тексако». Хотя эти западные инвестиции и обеспечивают Казахстану значительную часть необходимых ему капиталов и технологий, но они не дают готовых решений проблемы транспортировки казахстанской нефти и газа – для этого необходимо сотрудничество с Россией [11. С. 37].

Помимо экономических способов вытеснить Российскую Федерацию с прикаспийской арены, используется политическое давление на руководство большинства стран региона. В частности, реализация тех или иных инвестиционных, гуманитарных проектов ставится в зависимость от уступчивости этих правительств международным нефтегазовым компаниям, которые и определяют основные экспортные маршруты. Если в России американское присутствие в нефтедобывающих предприятиях означает лишь увеличение американских компаний в Российской Федерации, то в Каспийском регионе и Центральной Азии это же означает переориентацию местных правящих элит на США и антироссийский курс во внешней и внутренней политике. В силу того, что Россия сама зависит от мирового энергетического рынка, противодействие американскому присутствию в этом регионе во многом зависит от позиций местной управленческой элиты. Поэтому угрозой российским интересам является двойная лояльность постсоветских лидеров. Пример тому – Казахстан. Так, по словам бывшего советника министра обороны США Р. Перла, само руководство Казахстана

не стремится к военному присутствию США в республике [12. С. 8]. Но не прочь видеть американскую активность в противовес деятельности Москвы и Пекина [13. Р. 240].

Правительства бывших советских республик проводят многовекторную политику, пытаясь получить выгоду от сотрудничества с Россией, Китаем, США, Европой и, где возможно, манипулировать их интересами. В последние годы следует отметить активизацию взаимоотношений стран Центральной Азии с исламским миром. Происходит не просто развитие межгосударственных связей и многосторонних отношений, а интеграция центральноазиатских государств в общность мусульманского ареала. Во всём этом политические деятели Казахстана, Узбекистана и ряда других стран видят положительную тенденцию, так как, по их мнению, это уравнивает геополитическое влияние на формирующиеся независимые страны СНГ со стороны разносторонних внешних сил. Следует отметить, что в странах Центральной Азии, Закавказья и южных регионах России ислам имеет глубокие исторические корни. В настоящее время интерес к этой религии неуклонно растёт, а на территории тех стран, где в течение многих веков были сформированы исторические пласты мусульманской культуры наблюдается рост религиозных исламских институтов.

Так, страны Центральной Азии рассматривают участие в работе ОИК (Организация «Исламская Конференция») как одну из возможностей, с одной стороны, расширить поле сотрудничества с регионами Азии, Африки и Латинской Америки, где имеются государства, консолидируемые идеей единой исламской солидарности. С другой стороны, участие в процессе интеграции под эгидой ОИК позволяет её новым членам (странам СНГ) находить политическую поддержку у сообщества стран исламского мира в случае оказания на них геополитического давления со стороны влиятельных мировых центров силы. Центральная Азия, в свою очередь, раскрывает для мусульманского мира новые перспективы, особенно в распределении энергетических ресурсов. Учитывая, что в политическом отношении исламская солидарность может оказать в перспективе огромное влияние на трансформацию геополитической конфигурации глобального мира, России следует более вдумчиво и целеустремлённо проводить как внешнюю, так и энергетическую политику в странах мусульманского мира.

В настоящее время весь Центральноазиатский регион является, скорее, объектом игры мировых держав, чем субъектом. Из стран этого региона

можно выделить Казахстан, который пытается выработать собственную позицию в мировой политике, о чём свидетельствует его председательство в ОБСЕ в 2010 г. Огромный интерес к государствам Центральной Азии, кроме России, США, исламских стран, проявляет и Китай. В будущем он может стать центром геополитического соперничества между этими четырьмя силами. Не исключено, что в игру вступит и Европейский Союз.

Каспийский регион в силу его геостратегического положения, политических, экономических, экологических, гуманитарных и иных факторов имеет важное значение для Российской Федерации, в том числе и в плане обеспечения национальной безопасности военно-политического и социально-экономического характера. Российская Федерация пытается играть ключевую роль в регионе, учитывая как энергетический, так и геополитический фактор. Именно в постсоветских государствах Центральной Азии Россия как нигде эффективно использует в качестве краеугольного камня новой геополитики энергетический фактор. За последние годы энергетические компании России укрепили взаимодействие со своими партнёрами и в газовом, и в нефтяном, и в гидроэнергетическом секторах. Всё это вписывается в общую программу по восстановлению российского влияния в Центральноазиатском регионе, в рамках которой развитие экономического сотрудничества лишь часть пакета мер по обеспечению гарантий безопасности.

Геополитические интересы России в этом регионе можно определить следующим образом: максимальный контроль над транзитом центральноазиатских нефти и газа, чтобы они не стали альтернативой российскому сырью; сохранение своего присутствия в регионе, чтобы не допустить его исламизации, чреватой проникновением исламских радикалов в Россию; недопущение усиления позиций США в регионе путем так называемого экспорта демократии; блокирование возможности превращения Китая в доминирующую силу в регионе.

Энергетическая стратегия страны ориентируется на масштабное вовлечение в топливно-энергетический баланс России углеводородных ресурсов центральноазиатских стран СНГ, включая страны Каспийского региона, а также решение таких проблем, как скорейшее заключение пятисторонней Конвенции по правому статусу Каспийского моря как фактора стабильности в регионе; минимизация влияния третьих стран на государства прикаспийского региона, в том числе по вопросам ТЭК; сохранение и усиление существ-

вующих позиций Российской Федерации в качестве основной транзитной территории для энергоресурсов Каспийского моря; обеспечение свободного недискриминационного доступа к ресурсам Каспия и рынкам сбыта для российских энергетических компаний; создание инструментов эффективного сотрудничества в рамках СНГ в сфере ТЭК.

Правовой основой двустороннего энергетического сотрудничества с бывшими союзными республиками являются долгосрочные правительственные соглашения по различным направлениям. Энергетическая дипломатия России стремится находить взаимоприемлемые и жизнеспособные решения по проблемам, которые обозначились в связи с переводом на рыночную основу условий поставок и транзита энергоносителей в отношениях России с другими партнёрами по СНГ. Одной из приоритетных задач российской политики является содействие реализации ряда крупных нефтегазовых проектов, включая строительство новых стратегических трубопроводов.

Следует отметить, что выбор путей переброски энергетических ресурсов из прикаспийских стран на мировые рынки стал объектом острой конкуренции не только между Россией и США, но и между региональными и внерегиональными странами – странами ЕС, Турцией, Ираном, Грузией, Украиной, Арменией, а также крупными компаниями. Это связано с тем, что за каждым маршрутом существующих или проектируемых трубопроводов стоят геополитические и экономические интересы конкретных стран, а также коммерческие интересы крупных национальных компаний. В настоящее время дипломатическая борьба ведется за две группы нефтепроводов – это маршруты транспортировки нефти из Казахстана и России, а также маршруты транспортировки нефти с каспийских месторождений, правовой статус которых еще не определен. Непосредственное отношение к перспективам развития нефтепроводных систем региона имеют проблемы морской транспортировки каспийской нефти, связанные с проходом танкеров через Черноморские проливы.

Фактически до 2000 г., когда Азербайджанская международная операционная компания (АМОК) ввела в эксплуатацию трубопровод для транспортировки нефти из Баку в порт Супса на грузинском побережье Черного моря, Россия оставалась монополистом в области транспортировки каспийской нефти [14. С. 5].

В июне 1992 г. правительствами Казахстана, России и Омана был основан Каспийский трубо-

проводный консорциум (КТК) специально для строительства нефтепровода, предназначенного для экспорта казахстанской нефти из Тенгиза к Черному морю и для ее дальнейшего экспорта в страны Европы и в Соединенные Штаты. Половина акций КТК принадлежит правительствам России, Казахстана и Омана, а другая половина – восьми компаниям, среди которых «Шеврон-Тексако», «Эксон-Мобил» и др. Ход реализации этого проекта показывает, насколько сложно России и США принимать взаимоприемлемые решения, так как они, зачастую, противоречат их интересам.

Более четырех лет американская и российская стороны не могли согласовать вопрос о расширении КТК до 67 млн. т нефти ежегодной пропускной способности. Причина заключается в том, что, по мнению российской стороны, организационно-правовая структура КТК нарушает российское законодательство об акционерных предприятиях, поскольку в уставе КТК, который был принят как международный правовой документ, сказано, что он юридически превалирует над национальным законодательством. В соответствии с этим оператор может заблокировать любое решение, в том числе инициированное правительством России, как другим главным акционером Консорциума. На заседании акционеров в ноябре 2009 г. большинством голосов все-таки было принято решение об увеличении пропускной способности трубопровода.

Еще одна проблема, которая особенно обострилась в последние годы, возникла в связи с тем, что цены на нефть резко выросли, а кредитные процентные ставки в западных банках, наоборот, снизились. К примеру, КТК были выданы многомиллионные кредиты на условиях для конца 90-х годов, что было справедливо для тех лет, но никак не может быть оправдано сегодня. В этой связи Россия, по заявлению АК «Транснефть», которая представляет с прошлого года в Консорциуме Российскую Федерацию и управляет его пакетом, не получает достаточно дивидендов и прибыли, так как они поглощаются процентными ставками кредитов. КТК является важнейшим для России трубопроводным проектом. С его расширением связано дальнейшее развитие и разработка Тенгизского месторождения в Казахстане. Кроме того, строительство обходного нефтепровода «Бургас – Александрополис», решение о котором принято еще в прошлом году, напрямую зависит от расширения КТК. Стороны пока не могут договориться, хотя в последнее время наметилась положительная тенденция. Скорее всего, американские участники проекта уступят и согласятся на реструкту-

ризацию долгов КТК и изменение его устава в соответствии с российским законодательством. Но процесс явно затянулся и однозначно вредит продвижению в целом российско-американского энергетического сотрудничества.

США всячески стремятся избавиться от зависимости от российской трубопроводной системы, поскольку КТК усиливает позиции РФ как в регионе в целом, так и на мировом энергетическом рынке. Администрация США более десяти лет активно лоббировала проект нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан. Он создавался как альтернатива не только российским интересам, но и иранским, причем последним даже в большей степени. Американская администрация, при содействии Баку, Тбилиси, Анкары, настолько политизировала проект, что, несмотря на доводы финансирующих его компаний о несовместимости строительства и непосильном бремени затрат, была не в состоянии дать задний ход [15]. Американцы стремятся не допустить монопольного положения какого-либо из прикаспийских государств, которое бы позволило ему беспрепятственно диктовать свои условия экспортных поставок. Настаивая на реализации этого дорогостоящего проекта, даже при явно проблематичной загрузке трубопровода, США видели в этом большие выгоды для себя. Основная цель строительства нефтепровода заключалась в создании независимого от России пути транспортировки нефти из Азербайджана (а впоследствии и Казахстана) на мировые рынки. США и Великобритания, лоббировавшие и финансировавшие проект, в качестве его обоснования выдвинули идею о необходимости диверсификации маршрутов экспорта энергоносителей и стабилизации мирового энергетического рынка.

Строительство трубопровода БТД не только создаёт альтернативу российским трубопроводам, но и укрепляет связи между каспийскими странами и Западом. С началом его работы в очередной раз существенно изменилась геополитическая расстановка сил в обширном регионе, охватывающем Центральную Азию, Кавказ и акваторию Каспийского моря. Экономические потери России от появления нового пути транспортировки каспийской нефти зарубежные эксперты оценивают в 200 млн долларов в год [16. Р. 21]. При этом «вторжение американцев» на Каспий угрожает оборонным интересам России [17]. Подтверждением этого стали события в Южной Осетии в 2008 г. Вторжение Грузии в Южную Осетию поставило под угрозу срыва транзит нефти и газа через Закавказье. Военный конфликт повлиял на энергетическую ситуацию во всем Каспийском регионе, а заодно – на

динамику стоимости нефти на мировом рынке. Эту ситуацию российское правительство оценило как проявление огромных рисков, которые несет в себе политика Вашингтона и Брюсселя по построению коридоров экспорта центральноазиатских энергоносителей в обход России.

Такое положение дел, возможно, заставит страны региона, стремящиеся к диверсификации сбыта, наталкиваясь на политические и военные ограничители, более тщательно взвешивать риски нефтегазовых инфраструктурных проектов, а также более лояльно относиться к испытанным и стабильным маршрутам через территорию России. В 2007 г. президенты РФ и РК Владимир Путин и Нурсултан Назарбаев достигли договоренности об участии Казахстана в проекте строительства нефтепровода «Бургас – Александруполис», призванного обойти Черное море и снизить транспортировку нефти танкерами через перегруженные проливы Босфор и Дарданеллы [18. С. 123]. Этот нефтепровод – альтернатива трубопроводам БТД и Самсун – Джейхан, проходящим по турецкой территории.

В 2007–2008 гг. российско-американское противостояние в Каспийском регионе несколько активизировалось. Об этом свидетельствует проталкивание со стороны США строительства газопровода «Набукко», который должен пройти в обход России и связать Европу с Азией [19]. В июле 2009 г. в Анкаре премьер-министрами Турции, Австрии и Венгрии и министрами энергетики Болгарии и Румынии подписано многостороннее соглашение о строительстве газопровода «Набукко». Туркмени, Казахстан и Узбекистан отказались подписывать декларацию по «Набукко». Однако не исключено, что туркменский газ всё-таки пойдет именно в этот газопровод, так как для Туркмении это способ оказать давление на Россию, добиваясь каких-либо преференций [20. С. 106].

Россия не просто выступает против «Набукко», а предпринимает активные шаги по реализации газового проекта по дну Черного моря – «Южный поток», который должен перетянуть на себя те объемы прикаспийского газа, на который рассчитывают сторонники «Набукко». Договор о строительстве газопровода «Южный поток» подписан в ходе визита президента России В. Путина в Софию в январе 2008. То есть газ из Центральной Азии в Европу пойдет, но не через Каспийское море, Иран или Турцию, а через существующие коммуникации по территории России, а также новый маршрут по российскому побережью Каспийского моря. Более того, это позволит поставлять значительные объемы центральноазиатского и российского газа в страны ЕС в обход госу-

дарств, лоббирующих американские энергетические инициативы.

В последние годы активность России в Центральной Азии связана с решением ряда экономических проектов в рамках ШОС. В июне 2006 г. была выдвинута идея создания энергетического клуба ШОС, реализация которой способствовала бы укреплению энергетической безопасности государств-участников данного объединения. Для России и ее партнеров весьма выгодна также реализация предложения, выдвинутого в августе 2007 г. в Бишкеке, о создании энергетического агентства и энергетической биржи Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) [9. С. 23]. Россия поддерживает также идею создания Организации Каспийского Экономического Сотрудничества (ОКЭС), одним из основных направлений которой могла бы стать реализация многосторонних энергетических проектов.

В целях закрепления позиции России в данном регионе «Газпром» в ноябре 2005 г. заключил 5-летний контракт, дающий ему возможность контролировать все поставки природного газа через территорию Казахстана для обеспечения постоянных поставок на европейские рынки. С 2007 г., когда истёк срок контракта на поставку туркменского газа на Украину, «Газпром» стал единственным монополистом по поставкам туркменского газа в Россию, согласно заключенному в апреле 2003 г. 25-летнему контракту [21. С. 4]. Успехом российской дипломатии можно считать достигнутой в декабре 2007 г. договоренность с Казахстаном и Туркменистаном о строительстве Прикаспийского газопровода и модернизации ещё советской системы транспортировки газа из Центральной Азии через Россию. В марте 2008 г. принято совместное решение «КазМунайГаза», «Узбекнефтегаза» и «Туркменгаза» о переходе с 2009 г. на европейские цены при закупке газа в странах Центральной Азии. Это может уничтожить стимулы для поиска альтернативных путей поставки «голубого топлива» в Европу, равно как и уменьшить шансы ЕС и США на работу с центральноазиатскими странами-членами ЕврАзЭС по прямым контрактам [9. С. 23].

Большое значение для укрепления позиции России в Центральной Азии имеет формирование Таможенного союза между Россией, Казахстаном и Белоруссией. При этом Казахстан и Беларусь получают более льготные условия по доступу к инфраструктуре России, что позволяет экспортёрам этих стран более оптимально использовать возможности транспортной и трубопроводной инфраструктуры РФ. О вступлении в состав Тамо-

женного союза задумались в Кыргызстане, Армении, Таджикистане и Украине. В связи с активной и целенаправленной внешней политикой России по этому вопросу Вашингтон начинает понимать необходимость учёта национальных интересов России и предоставления странам этого региона возможности принятия самостоятельных решений о наиболее оптимальных путях транспортировки энергоресурсов. Администрация Обамы высказала намерение считаться с интересами России и постепенно уходит от односторонней безусловной поддержки Грузии как своего главного союзника в этом регионе. Однако пока преждевременно говорить об окончательном переломе негативных для России тенденций.

Ещё в феврале 2008 г. в ходе одного из заседаний Комитета Сената США по иностранным делам было внесено предложение по введению новой должности – специального посла по энергетическим вопросам. Американская инициатива создания нового поста координатора родилась не только как реакция на осуществление Россией проекта «Южный поток». Задача его деятельности куда перспективнее, что дала понять бывший госсекретарь США Кондолиза Райс в своем выступлении в комитете американского Сената. Она заявила, что через него будет осуществляться мониторинг использования нефти и газа в политических целях [9. С. 21]. Цель США очевидна – ограничить влияние России в азиатских республиках СНГ, а также постоянно противодействовать российскому контролю над поставками нефти и газа из Центральной Азии. В практической плоскости данное назначение предусматривает, прежде всего, активизацию инвестирования в сферу добычи и строительства новых трубопроводов за пределами России. Предлагается создать многоцелевой энергетический транспортный коридор Восток – Запад (East – West Energy Corridor), который бы включал ряд новых нефте- и газопроводов, охрана которых должна быть возложена на специальные мобильные подразделения НАТО и соответствующие структуры специально для этого сформированной проамериканской «Организации за демократию и экономическое развитие» (ГУАМ) с участием Грузии, Украины, Азербайджана и Молдавии.

Кроме того, в зоне «коридора», соединяющего Центральную Азию с Европой, предусматриваются при обязательном прямом участии американского капитала создание новых военных баз и коммерческих морских портов, комплексная модернизация всех систем телекоммуникаций, интенсивное развитие наземного транспорта, предприятий нефтегазовой и горно-добывающей от-

раслей, международная координация распределения гидроэнергетических ресурсов. Планируется также строительство ЛЭП с выходом на Афганистан, Пакистан и Индию [8. С. 14]. Бывший директор ЦРУ У. Вебстер отметил, что американцы заинтересованы в укреплении сотрудничества с Россией и Китаем по отдельности, но очень не хотят укрепления подобных связей между Россией и Китаем, особенно на территории третьих стран, в Центральной Азии [12. С. 8]. Американцы боятся, что когда они истощат свои силы в «партнерском противостоянии» с Россией на территории Центральной Азии, их место займет Китай. Поэтому в ближайшее время следует ожидать усилий со стороны американской дипломатии, направленных на укрепление пошатнувшихся позиций Вашингтона в Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mann S., Ambassador, Senior Advisor Caspian Basin Energy Diplomacy, Department of State. Update on Caspian Basin Energy Policy // Foreign Press Center Briefing. Washington, DC. October 18, 2002.
2. Гусейнов В. Каспийская нефть. Экономика и геополитика. М.: Олма-пресс, 2002. 316 с.
3. Салыгин В., Сафарян А. Современные международные экономические отношения в Каспийском регионе. МГИМО (У). 2005.
4. Monbiot G. A discreet deal in the pipeline // The Guardian. 2001. February 15.
5. Бжезинский З. Европейцы – в Ирак! // Internationale Politik. 2003. № 4.
6. Morse E.L., Jaffe A.M. Strategic Energy Policy Challenges for the 21st Century. Report of an Independent Task Force Cosponsored by the James A. Baker III Institute for Public Policy of Rice University and the Council on Foreign Relations 2001.
7. Coe C. Russia-Kazak deal to divide north Caspian gains US approval // Alexander's Oil and Gas connections. News and Trends: Central Asia. volume 7, issue № 12. Thursday. 2002. June 13.
8. U.S. Interests in Central Asia: Policy Priorities and Military Roles. // RAND. Project Air Force. Prepared for the United States Air Force. 2005.
9. Грозин А., Корнеев А., Еришов Ю., Симония Н., Симонов К. «Защита Лугара»: американская администрация бросает очередной «энергетический вызов» России // Нефть России. 2008. № 5.
10. Россия в Средней Азии: как преодолеть негативные тенденции // Содружество НГ. 2001. № 1.
11. Олкотт М. Дружба народов в мире энергетики // Pro et Contra. 2006. № 2–3.
12. Сизов Ю. Американское ускорение казахстанских реформ // Деловая неделя. 2005. 28 окт. № 41.
13. Olcott M. Central Asia's Second Chance // Carnegie Endowment for International Peace, Washington, D.C., 2005.
14. Лукьянов С., Перфилов М. Война маршрутов // Коммерсант. 2001. 30 авг.
15. Александров Ю., Орлов Д. Баку–Тбилиси–Джейхан: где нефть? // Независимая газета. 2002. 4 окт.
16. Letter before 19 th World Petroleum Council in Spain 2008 // World Petroleum Council.
17. Региональная система безопасности на Каспии. Между Caspian Guard и CASFOR. URL. <http://nomos.com.ua/content/view/126/77/>
18. Кавказский транзит // Нефть и Газ Казахстана. 2008. №3.
19. Lugar Energy Report. The Nabucco Pipeline. July 2009 // US Senator R Lugar Energy Papers.
20. «Набукко» тормозит дефицит ресурсов // Нефть и газ Казахстана. 2008. № 1.
21. Зейхан П. Россия: торжество реализма // Республика KZ. 2005. 24 нояб.